

ЛИНГВИСТИКА

НЕКОТОРЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ НАД РУССКОЙ ПЕРСУАЗИВНОЙ КАРТИНОЙ МИРА

С.П. ЛАМБАРДЖЯН
ЕГУ

Статья освещает некоторые возможности лингвокультурологической модальной категории персуазивности. Предлагаемое исследование отражает лингвокультурологические интерпретации этой категории, его возможности в формировании структуры русской языковой картины мира.

Ключевые слова: антропоцентризм, субъективные (модусные) категории, лингвокультурология, персуазивность, языковая картина мира.

Введение

Лингвокультурология, как известно, – одно из приоритетных направлений лингвистических поисков в рамках антропоцентрической научной парадигмы [Воробьев 2008; Маслова 2004 и мн. др.]. Основная **цель** лингвокультурологии – это возможно более полный анализ всех соотношений “язык – культура”. А так как носителем языка, как известно, является человек, **языковая личность**, то делаются попытки выявления и описания всех проявлений культуры в языке, реализуемых речемыслительной деятельностью **Я-субъекта**.

Поставленная лингвокультурологией магистральная **цель** предполагает рассмотрение множества проблем: описание и систематизация языковых средств с культуруносным компонентом; выявление “культурного” аспекта в реализациях: **Я-физическое, Я-психоэмоциональное, Я-социальное, Я-речемыслительное** и под. [6:7]

В ряду поставленных задач особое внимание уделяется **одной**, “результующей”: выявление **языковых картин**, отражающих глубинные представления народа-носителя языка и культуры. Именно эти языковые картины отражают особенности этнопсихики, образного мышления, ассоциативного мышления... Картины мира являются своеобразными ключами к тайнам “народного сознания и подсознания”, помогают понять мировидение с позиций “здорового смысла”, обыденного сознания. [Маслова 2004; Шмелев 2002; Воробьев 2008; Красных 2011 и мн. др.]

Цель предлагаемого вниманию исследования – освещение некоторых аспектов языковой картины мира, структурируемой субъективной категорией персуазивности, точнее, стилистическими ресурсами, выражающими персуазивные значения.

Отметим, что под персуазивностью в современной лингвистике понимают очень широкий спектр явлений: от модусных значений до коммуникативных стратегий и тактик. [См. Русская грамматика 1980; Современный русский

язык под ред. В.А.Белошапковой 1981; Шмелева 1979; Черняевская 2014 и мн. др.] Считая, что все прочтения персуазивности необходимы, не исключают, а отражают разные грани, аспекты, возможности данной многогранной категории, отметим, что в исследовании будут учтены все понимания данной субъективной категории: и языковое, и психопрагматическое (ведь трудно представить категорию без прагматического потенциала).

Рабочим определением персуазивности является следующее: это субъективная (модусная) психопрагматическая категория, отражающая степень уверенности говорящего в достоверности информации. [Шмелева 1979; Белошапкова 1981 и др.]

Хотя основными экспликаторами персуазивных значений считаются **вводно-модальные слова** (*конечно, безусловно, действительно; может быть, возможно, видимо, кажется* и под.) и **модальные частицы** (*вряд ли, едва ли, якобы* и под.), но в русском языке есть огромное количество стилистических ресурсов (фразеологизмов, пословиц, поговорок, афоризмов, синтаксических фразеологизмов, стационаров и т.д.), выражающих значение из семантических областей **уверенности** и **неуверенности**. И материалом исследования будут именно стилистические **средства – персуазивы**. Итак,

К русской персуазивной картине мира

Наблюдения над материалом позволяют наметить следующие направления поисков:

1. “свое” (русское) – “не свое” (заимствованное);
2. **тематическая** классификация:
 - 1) небесное (горнее) – земное (дольнее) – подземное (ад);
 - 2) в земном (дольнем): а) природные явления; б) человек во множестве своих реализаций: Я-физическое, Я-психоэмоциональное, Я-мыслительное;
- в) “персуазивная флора”; г) “персуазивная фауна”.

Стилистические ресурсы русские/заимствованные.

Основной массив, естественно, русского происхождения: *бабушка надвое сказала; носом чую; как знать? ясно, как день; яснее ясного; когда рак на горе свистнет; после дождика в четверг* и др. Все эти разные стилистические средства объединяет то, что они а) считаются “своими” в русском языке; б) в эмоциональной форме выражают уверенность или неуверенность говорящего в информации (передаваемой или получаемой).

Персуазивы нерусского происхождения: *темна вода во облацех; пути Господни неисповедимы; буриданов осел; загадка сфинкса; тайны мадридского двора; тайна двух океанов* и т.д. Первые два выражения библейского происхождения.

Все эти очень разные по языковой, смысловой, “контекстуальной” фактуре, по ассоциациям выражения объединяет то, что они реализуют значения из области неуверенности.

Тематическая классификация позволяет направить поиски по нескольким векторам: 1. В стилистических средствах – персуазивах нашли отражение **небесное, земное и ад**.

Небесное представлено персуазивами: *Бог (Аллах) (его) знает/ведает; все в руках Божьих; пути Господни неисповедимы; человек предполагает, а Бог располагает...*

Основная идея этих персуазивов – Господь всесилен, всезнающ, всевидящ. В Его ведении находится все: и, в частности, жизнь, судьба человека. Здесь очень четко реализована оппозиция: **Всевышний** (всемогущий, всезнающий, всевидящий, “все моделирующий”): в Его мире, Его “видении” – все из области **уверенности**, неуверенность просто нереализуема, невозможна, так как без Его ведома “не упадет и волос с головы” // **человек**, в мировосприятии которого почти все – из области **неуверенности** (предположения, догадки, сомнения...) И в стилистических ресурсах оппозиция горнее/дольнее отражает именно данное положение дел.

Языковая личность использует самое сильное и действенное свойство **горнего** – “**быть вне всяких сомнений и отменить всякие сомнения**” – в прагматических целях (как сильнейший иллокутив) в **клятвах**, основное предназначение которых, как известно, – **рассеять сомнения адресата**. Приведем некоторые из них: *Христом Богом клянусь; Бог (Господь) свидетель, что ...; Вот те крест* (напомним, что крест – символ, синоним Спасителя); *Клянусь всеми святыми* и под.

Как видим, в случае напряженных прагматических ситуаций языковая личность прибегает к клятвам, призывая в свидетели **Всевышнего**, символизирующий Его знак (крест), проводников Его идей – **святых**, зная, что их авторитет абсолютен, непререкаем, несомненен. Кроме оппозиции “**небесное – земное**”, то есть “**Всевышний – человек**”, есть и оппозиция: “небо – ад”, то есть “Всевышний – нечистый”. Преисподняя представлена главными действующими лицами и их сподвижниками. Рассмотрим примеры:

Черт/бес (его) знает; леший (его) знает (так говорят в случае неопределенного, запутанного, необъяснимого, вызывающего всякие сомнения положения дел);

одному черту известно (то есть человек не способен постичь оцениваемое явление);

сам черт не разберет (нечто сверхсложное, непостижимое, необъяснимое, следовательно, вызывающее только неуверенность, сомнение);

черт-те что (эмоциональная реакция на нечто необъяснимое, непонятное, вызывающее неуверенность);

черта с два (это реакция адресата (перлокутивная реакция), содержание которой может быть представлено так: ‘Мне нельзя навязать какое-либо мнение, так как я обладаю достоверным знанием, и абсолютно уверен в своей позиции’);

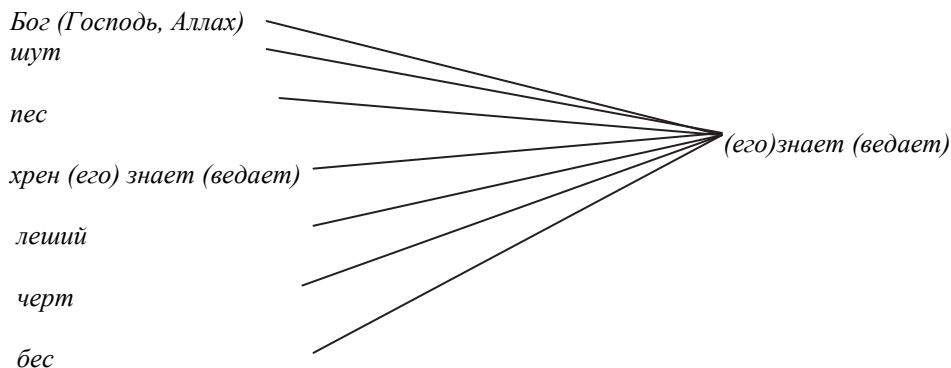
чем черт не шутит (персуазивное прочтение: ‘Все возможно, возможны любые варианты’).

Как видим, преисподняя в языковом персуазивном сознании русского представлена весьма активно: это сам **нечистый**, которому (как любой сверхсиле) ведомо если не все, то многое, почти все, а в случае **земного**, связан-

ного с человеком – все. Это и ассоциирующиеся с нечистой силой явления (**леший**).

Практически и стилистические средства, имеющие компонент “**нечистая сила**”, выражают значения, присущие “**горнему, небесному**”

Интересны наблюдения над вертикалью (своеобразной “синонимической парадигмой”), которая выстраивается **синонимами-персуазивами** к выражению **Бог (Господь)/Аллах (его) знает**:

В этой вертикали спрессовано много **лингвокультурологической информации**:

1. **Конечные члены вертикали (Бог/Господь//черт/бес)** имеют разные дискурсивные прочтения: в повседневном дискурсе, в представлениях обыденного сознания данные персуазивы передают **неопределенность, сомнительность, незнание**. В религиозном дискурсе верхний член имеет **прямое (прагматическое)** прочтение: **Бог**, действительно, **знает**, так как он Всезнающ. Художественная литература свидетельствует о том, что и нижний член ряда (**черт**) тоже многознающ, тоже может моделировать миры, в человеческих осмыслениях передающиеся выражением “**очевидное – невероятное**”. (Вспомним хотя бы “Мастера и Маргариту” М.Булгакова.)

2. Все ступени вертикали, кроме начальной, это ступени по лестнице в ад: каждая ступень “утяжеляет эфирное тело”. **Шут (его) знает** подтверждает религиозные представления о том, что **шутство** вообще от нечистого. **Пёс (его) знает** – это уже животный мир, который во всех случаях ступенью ниже человека (даже если он **шут**). **Хрен (его) знает** – здесь имеем дело с представителем флоры, что в русской языковой картине мира – неодушевленная природа, так что проигрывает в этом плане даже **псу**. Но здесь есть еще один штрих к “рангу” ступени: это выражение “полуцензурное” и ассоциируется с нецензурным выражением, которое тоже весьма частотно реализуется в русской среде. И этот имплицитный член ряда еще больше срывает в слои, близкие к аду.

Нижние члены вертикали – сам **нечистый** и его сподвижники (леший, на-пример).

Как видим, в одном синонимическом персуазивном ряду показана картина мира “от **небес** до **преисподней**”, что дает определенные представления о русской психоментальности, ранжирующей явления по данной шкале.

Отметим, что в русской психоментальности весьма актуальны все члены ряда “сверху донизу”. При этом только верхний член ряда претендует на книжно-нейтральный стиль; все остальные синонимы относятся к эмоционально-разговорному и даже ниже, а имплицитный член являет собой нецензурное выражение. Данный синонимический ряд по маршрутам ассоциаций простирается от **рая** до **ада**, перекидывает мосты от человека (причем, с занятием, не поощряемым религиозным мировоззрением) к животному и растительному мирам. Словом, отдельные персуазивные синонимические ряды способны спрессовывать обширную лингвокультурологическую информацию.

Рассмотрев **небесное** и **преисподнюю**, обратимся к тому, что находится между ними – к **земному бытию**.

Здесь наблюдения над персуазивами – стилистическими средствами позволяют выделить наиболее озвученные, наиболее актуальные в психоэмоциональном и ментальном мире человека явления. Языковой материал позволяет обозначить кардинальную оппозицию: **человек – природа**. Ясно, что человек – это часть природы, но в определенном смысле он отделился от нее, стал оппозиционером. Поэтому **человека** во всей его сложности и многогранности, думается, можно рассматривать как самостоятельный феномен.

Наблюдения показывают, что в персуазивной языковой картине мира широко представлено **Я-физическое, Я-психоэмоциональное, Я-мыслительное**.

Я-физическое представлено в персуазивах наиболее богато. Это, видимо, можно объяснить тем, что тело человека – это наиболее близко знакомый ему феномен. Следовательно, именно на наиболее известном явлении языковая личность структурирует множество стилистических средств – персуазивов, отражающих разнообразные значения из областей **уверенности** и **неуверенности**. Человек использует как внешние части тела и органы, так и внутренние, но первых несравненно больше. Из частей тела и органов наиболее задействованы **голова, глаза**. Приведем примеры: а) *даю голову на отсечение*; б) *не сносить мне головы*; в) *голова идет кругом*; г) *потерять голову*; д) *не морочь мне голову* и др. Эти персуазивы реализуют разные значения из областей уверенности/неуверенности, обладают разной прагматикой и являются носителями персуазивных значений в разных функциях: первичной или вторичной (проективной, переносной). Так, *Даю голову на отсечение* реализует значение **субъективной уверенности**, когда ситуация для говорящего неочевидна, но он абсолютно уверен, что его предположения соответствуют достоверному положению дел. *Голова идет кругом* реализует персуазивное значение во вторичной функции: ‘Колеблюсь, сомневаюсь, не могу определиться’, так как в первичной функции это может быть болезнен-

ное состояние: *Перед глазами темнеет, голова идет кругом*; или *Много дел, времени не хватает, стрессовая ситуация и поэтому голова идет кругом*.

Не морочь мне голову интересно во многих отношениях: с точки зрения **прагматики** это может быть исключительно **реакция адресата**; персуазивное значение – ‘Ты не сможешь навязать мне недостоверную информацию’.

Потерять голову реализует, в первую очередь, значение, отражающее психоэмоциональное состояние: *потерять голову от любви*. Но в одном из прочтений может передавать и персуазивное значение: *колебаться, сомневаться, не знать, как поступить...*

Персуазивно активны и органы головы: **глаза, уши, нос, брови** и т.д. Особенно много персуазивов с компонентом **глаз**, что неудивительно: зрительный канал – основной канал восприятия мира, зрение напрямую связано со значением уверенности. Как метко замечает М.Твен: “*Несомненно, увидеть, значит, поверить*” (М.Твен, “Налегке”). А мы добавим, что **поверить** – значит **стать уверенным в достоверности**. Приведем примеры: *Верь только тому, что видишь своими глазами*; *Не верь брату родному, а верь своему глазу кривому*; *Не верь ушам, а верь глазам*; *Открой глаза*; *ходить с повязкой на глазах* и под.

Эти разные по семантике и прагматике персуазивы содержат компонент **глаза** и реализуют общую идею ‘Будь уверен в том, что наблюдаешь/наблюдал своими глазами’. А персуазивы *Открой глаза! Ходишь с повязкой на глазах!* содержат предупреждение: ‘Придерживаешься заведомо недостоверного положения дел’.

Похожа и персуазивная ситуация, отражаемая выражением *Посмотри правде в глаза!*, но все же здесь есть и определенная разница: призывающий посмотреть правде в глаза (инициатор) уверен, что адресат знает истинное положение дел и преднамеренно отворачивается (в силу обстоятельств) от достоверной картины.

Из приведенных выше стилистических средств явствует, что **уши** уступают глазам по нацеленности на **уверенность**: Я-субъект гораздо больше доверяет **зрению**, чем **слуху**, и, тем не менее, *Слышал своими ушами* также призвано **рассеять сомнения адресата**.

Продолжение см. в следующем номере.